

Соб. корреспондент, 1984, 16 авг.

ДАВАЙТЕ ПОМОГАТЬ ТАЛАНТУ

Творческие судьбы молодых, пути и перепутья театральной смены — об этом шел разговор в статье «Куда пойдет молодой актер?»

Б. Поюровского, опубликованной в «СК»

24 мая с. г.

Продолжаем разговор на эту злободневную, требующую к себе внимания всех, кого волнует будущее нашего театра, тему.

Педагоги пожимают плечами: судьба.

Режиссеры прикрываются расхожей фразой: «Я не вижу этого актера».

Критики периодически собираются в ВТО и говорят, говорят — все о том же: почему не складываются актерские судьбы, почему в песок уходят надежды, которые выпускники театральных вузов подают так щедро, по какой шкале измерять урон, наносимый государству неиспользованием таланта — самой большой общенародной ценности, и урон, который самому человеку, одаренному и выученному профессионально, наносят годы простоя или пробежек в массовках?

Кому предъявлять счет? Я не буду оригинальна, касаясь вновь этой темы, превратившейся в какой-то театральный «перпетуум мобиле».

...Десять лет тому назад 232-я московская школа выпустила класс. О нем много и восторженно писали газеты и журналы, приезжали перенимать опыт из других городов и республик. Первый в стране спецтеатральный класс.

«Спецтеатральный» — означало занятия искусствоведением и мастерством актера, театральной журналистикой и сценографией. Это означало и реальную возможность проверить себя в избранном деле до поступления в институт, возможность избежать ошибки, горько ломающей судьбу. Это означало, что снизится очень высокий процент ошибок и при наборе курсов, что педагоги заранее присмотрятся к своим будущим ученикам.

Короче, эксперимент был интересен всем, кто в нем участвовал.

Судьба на два года свела меня с этим классом. Набрать их (вместе с преподавателями Театрального училища имени М. С. Щепкина), читать им курс искусствоведения, вести театро-

ведческое отделение и, наконец, выпустить во «взрослую жизнь». Сразу замечу — о театроведах разговор особый. Все они потом закончили ГИТИС и работают по специальности. Им посчастливилось быть последними учениками Павла Александровича Маркова.

И у «актеров» судьбы тоже поначалу складывались. Педагогическое мастерство и не знающая усталости любовь к ним заслуженной артистки Латвийской ССР, старшего преподавателя Театрального училища имени М. С. Щепкина Риммы Гавриловны Солнцевой сделали свое дело: из 16—12 поступили в театральные вузы. У тронх в процессе обучения выявилось несоответствие внешних и внутренних данных, одна сразу стала солисткой вокального ансамбля — поет и по сей день, мелькая в телевизоре обаятельной улыбкой. А мне вспоминается ее Антигона в школьном выпускном показе, и чего-то все-таки жалко...

Прошли студенческие годы. Наступили театральные будни. И началось то, что заставило меня сегодня взяться за перо. Потому что, как педагог, я и сегодня отвечаю за своих воспитанников. И потому что, как критик, вижу, что ситуации складываются типичные. Но об этом ниже. Сначала — о своем бывшем 10-м «Б».

Вряд ли среди молодежи Театра имени Евг. Вахтангова найдется актер, играющий больше, чем Андрей Ярославцев. Иван-не-Великан и Гайдай, Ковбель и Стива Облонский. Сегодня случаются не только 54-летние «молодые люди» Глузовы, но и 27-летние Стивы. 32 роли, хорошие и разные, сыграны им за 6 лет. Вроде бы все благополучно. Но тревожит, что этого многопланового актера режиссеры «тянут» на использование одних и тех же данных, а не на яркое перевоплощение, ломку едва пробивающих-

ся, но уже штампов. Он хорошо работает. Но может лучше. Бывает ведь и тревожащее благополучие...

Светлана Кузьмина — самая именитая из выпуска, она лауреат многих смотров и фестивалей, ныне — ведущая актриса Ивановского облдрамтеатра. Только перечень сыгранных ролей занял бы огромную часть статьи. Она была из самых одаренных в классе и самых работоспособных. Но и судьба Светланы сегодня вызывает у меня тревогу. Потому что смена режиссеров, как правило, болезненно отражается на судьбах тех, кто лидировал при предшественниках. Как часто бывает, что новый главный актера N или актрису X «не видит» — вот она, формулировка, на которую и возразить-то нечем! Что из того, что о них писала не только местная пресса, но и центральная. Режиссер их может «не видеть», и все тут. Горько, но приходится констатировать факт: критика не влияет или, скажу мягче, почти не влияет на актерские судьбы. Я не помню, чтобы судьба актера хоть как-то была связана с тем, что о его работах пишут. В этом обидно сознаваться. Но это необходимо переломить, изменить. А как? Чтобы стали давать роли актерам, замеченным прессой? Чтобы дисквалифицировали режиссера, единодушно признанного несостоятельным? Я таких случаев не помню. Ни в своей многолетней практике, ни в практике своих коллег. Что у критика могут быть неприятности за критику — это бывает...

Прошу прощения, я отвлеклась от темы разговора. Но, думаю, будь влияние моей профессии позначительнее, а позиция органов культуры, несущих ответственность за судьбы молодых, поактивнее, может быть, и судьбы выпускников сложились бы иначе. А пока к двум названным я могу добавить еще лишь одно «благополучное» имя — актрисы Центрального детского театра Елены Черняк, серьезно занятой в репертуаре.

А остальных девять?

Итак, счет первый.

Отслужив в армии, четыре года ничего не играл в Театре имени Вл. Маяковского выпускник мхатовской школы Виктор Рудниченко. Только сейчас его ввели на главную роль в сказку. А ведь бессловесный офицант,

сыгранный им в дипломном спектакле, помнится, очаровал всех. Острая характерность, юмор и обаяние этого актера были очевидны. И руководство театра взяло Рудниченко сразу. А дальше-то что?

Счет второй.

После Щукинского училища был принят в труппу Вахтанговского театра Юрий Нифонтов. И фотографии его «со товарищи» обошли чуть ли не все газеты. А потом творческий голод. Учеба на режиссерском факультете того же Щукинского училища. И теперь, 6 лет спустя, лишь «показы»: авось куда-нибудь возьмут. Возьмут, я думаю, такие комедийные дарования встречаются не часто. Но почему же оно не понадобилось в Вахтанговском театре?

Счет третий.

Пожалуй, он будет предъявлен не только театру, но и актеру. Валерий Носач, один из самых способных в классе, а потом на курсе М. Царева, три года проработал в Омском театре. И играл там много и удачно. А два года назад его приняли в труппу Малого театра. Сегодня время творческого простоя артиста как раз и исчисляется этими двумя годами. С сентября пойдет третий...

Счет четвертый.

Геннадий Галкин окончил класс, как говорится, «первым номером». Редкая индивидуальность, не по годам угадываемая глубина восприятия и воспроизведения мира. И в училище он был «на виду». Но распределен в творчески слабый Владимирский облдрамтеатр. А нетворческой обстановки он не приемлет. Личное благополучие его не волнует. И сегодня он работает... монтировщиком декораций в Московском театре имени К. С. Станиславского. Репетирует что-то во внеплановой работе. Опять режиссеры «не видят»? Но как можно не видеть очевидное? Опять «судьба»? Но, может быть, кто-то должен подталкивать эту судьбу? Увы, такого «толкача» не нашлось. Помню, как знаменитый щукинский ректор Борис Евгеньевич Захава буквально «обрывал» телефоны, чтобы уловиться о показах своих учеников, рекламируя их взмахом. А в Щепкинском училище дипломникам уделяют так мало внимания. Этот счет еще и институту.

Счет пятый.

Мы соскучились по красивым актрисам на сцене. Классически красивым. Именно такой и была выпускница класса, а потом Щукинского училища Любовь Реймер. Настоящая «костюмная героиня». Между тем скажем, Театр сатиры искал да так и не нашел идеальной исполнительницы роли Лидии Чебоксаровой. А она ходила где-то рядом в поисках своего места под лучами Мельпомены. Но пока не обрела его. Ведет кружок в ПТУ, дело, я понимаю, полезное, но актриса способна на большее.

Впрочем, не достаточно ли? Читатель и так утомлен. Но боль за каждую судьбу естественна. Беды «театрального класса», к сожалению, типичны для выпускников театральных институтов, потому и рассказываю о них так подробно. Помните блистательный выпуск ГИТИСа — Догилеву, Томашевского, Аргунову, Юшину, Шабалтаса, Стоянова, Фокина? Это был какой-то редкий курс, почти без балласта. Но Ю. Томашевский и Ю. Стоянов сегодня лишь в массовках АБДТ им. М. Горького, мало занят в Московском театре им. Ленинского комсомола острохарактерный актер И. Фокин, вяло складываются судьбы А. Юшина и И. Шабалтаса — из роли в роль играющих самих себя.

Сегодня мы восхищенно смотрим дипломные спектакли щукинцев (курс А. Бурова). Как сложится их судьба? Увидим ли, кто пришел? И что сможем констатировать «однажды, 10 лет спустя»?

...А эксперимент со спецтеатральными классами заглох.

Да, по-прежнему судьбу актера решает его величество случай. Не пора ли сорвать с него эполеты? Всем миром решать — и все-таки решить! — проблему становления актерских судеб. Понимая, что с годами уходят роли, их не вернешь. Что талант атрофируется, как орган, который не действует. И что таланту нужно помогать.

Давайте же помогать. Спрашивать за каждую несостоявшуюся актерскую судьбу. Спрашивать и с трибун, и со страниц газет. Создадим такую обстановку, в которой не чувствовал бы себя безнаказанным режиссер, пригласивший в труппу молодого актера просто так, «про запас». Выработаем, наконец, систему обязательств театра перед «новобранцем» и возведем ее в ранг закона. Начнем с этого и посмотрим, что дальше будет.

С. ОВЧИННИКОВА.